

КРАСОТА И ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

ИХ МНОГО, отдающих лю-
дям все, чем владеют са-
ми... Когда я звоню арти-
сту Ленинградского Большо-
го драматического театра Ивану
Матвеевичу Пальму (знакомо-
му многим по кинофильму
«Дачники») и приглашаю при-
йти в школу, где преподаю,
Иван Матвеевич просит ми-
нутку обожда у телефона.
Потом я слышу, как у самой
трубки шелестят странички
записной книжки. «Так, по-
смотрим, — говорит он. — По-
недельник. Занят в спектакле
с первого действия. Вторник —
у рабочих Адмиралтейского
завода. Среда — вас устраи-
вает среда? Приеду с Вла-
димиром Максимовым, пока-
жем сцену из «Первой Кон-
ной», — потом он некоторое
время загадочно молчит. — И
еще вам сюрприз: заслужен-
ный артист республики А. А.
Андреев будет с нами».

Собственными силами мы
изготавливаем красочный теат-
ральный плакат — пусть по-
чувствуют артисты, как их жда-
ли. Наконец, приходит среда.
Иван Матвеевич Пальму под-
нимается на нашу крошечную
сцену и рассказывает об ис-
тории Большого драматическо-

го театра, об участии Горько-
го в создании одного из пер-
вых театров революции. По-
том мы смотрим отрывок из
«Первой Конной» Вс. Вишне-
вского, где встречаются на пе-
репутье больших дорог моло-
дой буденновец и старый ка-
зак. И рассказывает буденно-
вец свою единственную прав-
ду, как понял ее, почувство-
вал всей душой. Под конец
звучат навсегда запоминаю-
щиеся слова: «Не забыт
1918-й. Не забыт 1919-й. Ни-
что не забыто. Никто не за-
быт».

Потом мы, шумные, взвол-
нованные, идем провожать
гостей. Переживаем от того,
что задерживается такси: че-
рез час в театре должен на-
чаться «Генрих IV», а артисты
еще на другом конце города,
с нами.

...Вспоминается первая встре-
ча с Иваном Пальму. Я пре-
подавала тогда в школе рабо-
чей молодежи. После про-
смотра в Большом драматиче-

ском театре «Поднятой цели-
ны» ребята решили пригласить
на обсуждение спектакля
исполнителя роли Шукаря —
артиста И. Пальму. Общий эн-
тузиазм легко погасил Петя
Лесников: «Ждите, как же,
явится Шукарь к вам в 11-й
«А»...».

А он пришел. Маленький,
незаметный, но удивительно
душевный дед Шукарь, тот са-
мый, который так трогательно
и тепло утешал Варюху-горю-
ху. Пришел за час до назна-
ченного времени. И когда я
выразила сожаление, что при-
дется обожда, улыбнулся:
«Не волнуйтесь, пожалуйста, я
буду ждать столько, сколько
надо».

Я обратила тогда внимание
на парадный костюм актера.
И поняла: шел как на праздни-
к, потому что встречу с
юными зрителями считал для
себя праздником.

Юные приветствовали его
сердечными аплодисментами,
после делового и очень по-

лезного разговора о спектакле
кто-то робко спросил:
«Пожалуйста, повторите еще
сцену хуторского партийного
собрания».

В классе было душно (си-
дело нас не меньше восьми-
десяти), но, честное слово, с
гораздо большим энтузиаз-
мом, чем на сцене, давал Шу-
карь «отлуп» Кондрату Май-
данникову, а мы, как гремя-
ченский актив и беднота, «ды-
шали одним дыхом».

Когда отгремели аплодис-
менты, актер каким-то удивит-
ельно задушевым голосом
произнес: «В гостях у егеря
Чуднова». Потом расстегнул
пиджак, характерным жестом
сунул руки за вырезы жилета,
слегка вскинул голову, глядя
со слезной хитринкой на не-
видимого нам собеседника и
заговорил. И тут произошла
встреча с чудом. Совсем ря-
дом, вот тут, у первой парты,
стоял живой Ильич и раз-
говаривал слегка картавя с
егерем Чудновым, а потом

по-мальчишески спорил со
Степкой, да так весело и
азартно, что мы не удержи-
лись от смеха.

Когда прозвучали последние
слова «Электрификация всей
страны», грянул такой шквал
аплодисментов, что, если бы
накал его регистрировался
специальным прибором, счет-
чик бы не выдержал. Это бы-
ли аплодисменты не только ак-
теру, но и человеку, щедро,
бескорыстно отдающему лю-
дям все, чем владеет он сам.

...В мастерской скульптора
Льва Сморгона, где бываем
ежегодно, мы знакомимся
еще с одной гранью члвчвече-
ского таланта. Я знаю: будет
удивительная встреча, рассказ
о стальной и монументальной
скульптуре. (Для этого остал-
ся здесь после рабочего дня
художник и наводил, как мог,
порядок в своей небольшой
мастерской, где умещаемся с
трудом). Но я знаю и другое:
будет яростное отрицание
своих прежних работ, будет

взволнованный рассказ о по-
исках нового. И так всегда.
Здесь мои ребята учатся не
останавливаться на достигну-
том, учатся тому вечному по-
иску, без которого невозмо-
жен ни полет в космос, ни
работа у токарного станка.
И, взобравшись на крутой
шестой этаж, я робко нажи-
маю кнопку звонка у двери
мастерской скульптора. Отпу-
да — во весь свой рост, упи-
раясь в косяк двери, — Лев
Сморгон: «Своих учащихся за-
втра приведет? Давайте.
Только учтите, все, что я
делал в прошлом году,
ерунда. И я обязательно ска-
жу об этом ребятам. Расска-
жу о том, что только сейчас
открылось мне: они должны
понять».

А через год ему покажется
бесконечно малым то, что уз-
нал теперь. И с нескрывае-
мым волнением, как открыве-
ние, отдаст на суд нам новые
свои работы, утверждая, что
только в них наконец-то, ка-

жется, сумел передать тот по-
ток чувств, информации, кото-
рую должна нести людям
каждая скульптура... И так бу-
дет всегда, пока мы ходим к
Сморгону.

...Когда у нас проводилась
неделя советской поэзии, я
позвонила лауреату Всерос-
сийского конкурса артистов
эстрады Альфреду Тальков-
скому:

— Альфред Михайлович!
Учащиеся много слышали о
вас... Мы...
Мягко обрывает голос со
смешинкой:

— Не надо «лирических от-
ступлений». Когда и куда я
должен прийти?

Признаться, такая доступ-
ность обескуражила. «Сейчас
заломит», — подумала с ужа-
сом.
— Но мы бесплатные, — го-
ворю почти с вызовом в труб-
ку.
— Ну и что же, — слышу в
ответ. — Разве все человече-

ские отношения измеряются
деньгами?
И он пришел. И сказал нам
«Здравствуйте!
Я вас встретил впервые.
Но я человек и вы человек.
Мы люди на этой земле.
Здравствуйте!
Как я рад,
Что могу вам это сказать».

Это были строки стихотво-
рения В. Солоухина, сразу
сближившие нас. В тот вечер
по-новому, на языке большо-
го искусства, заговорили с
нами многие поэты. Бывший
рабочий-метростроевец Аль-
фред Тальковский учил нас
не только любви к высокой
гражданской поэзии, он учил
нас душевной щедрости.

Об удивительных встречах
этих можно рассказывать бес-
конечно. Люди большого, яр-
кого таланта приходили к мо-
лодым рабочим — учащимся
вечерней школы и ПТУ — и
учили той красоте человече-
ских отношений, без которой
невозможна наша жизнь. Ви-
димо, с этого начинается эсте-
тическое воспитание, о кото-
ром говорим, думаем, спорим.

Л. БОГОПОЛЬСКАЯ,
учительница.

г. Ленинград.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА ● 3 стр.